

¹ Лаврентьева Л. С. Символические функции еды в обрядах // Фольклор и этнография. Проблема реконструкции фактов традиционной культуры, Л., 1991. С. 45–46.

² Полный церковно-славянский словарь. М., 1993. С. 258.

³ Лаврентьева Л. С. Указ. соч. С. 44.

А. Ю. Майничева

ОБРЯДЫ ОБЖИВАНИЯ ЖИЛИЩА И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ДУХАХ ДОМА И УСАДЬБЫ РУССКИХ КРЕСТЬЯН ПРИОБЬЯ¹

Дом осмысливается в народной культуре как средоточие основных жизненных ценностей, таких как счастье, достаток, единство семьи и рода, включая не только ныне живущих родственников, но и умерших предков. Целая система семейных традиций, бытовых приемов и запретов была направлена на то, чтобы удержать счастье и не дать ему покинуть жилище. В частности, не давали в долг то, в чем оно, по мнению русских крестьян, было сосредоточено: огонь, хлебную квашню.

Важнейшая функция дома – защитная. В быличках и сказках человек укрывается в доме от преследующих его врагов, которые не в силах переступить порог, этой символической границы с внешним миром. В повседневной жизни не разрешалось садиться или вставать на порог, здороваться через него. В чалдонских семьях (чалдоны – сибирские старожилы, в основном выходцы из районов Европейского Севера и Приуралья. – *Ред.*) было принято прибивать на полу перед сенями рядом с порогом подкову, чтобы всякий, кто придет, волей-неволей наступал на нее и «заносил счастье» в дом. Подкова считалась оберегом от несчастий, поэтому ее прибивали над входной дверью или в вереву ворот.

Дом, сооруженный руками хозяина или его родителей, воплощает идею единства и ценности семьи, имеющей свое прошлое, настоящее и будущее. Само возведение жилища сопровождалось различными символическими действиями и во многом носило регламентированный характер. Образ духа дома – домового – тесно связан с культом предков и важен для понимания дома как явления культуры народа. По мнению русских старожилов Верхнего Приобья, домовый (которого называют по-разному – «сусед», «с/о/уседушка», «дед», «хозяин») являлся полновластным хозяином дома и двора, во многом от него за-

висели здоровье и благополучие домочадцев и скота. Кержаки д. Козловка Болотнинского района Новосибирской области, придерживающиеся ортодоксальных христианских воззрений, считают, что домовый – это черт, искушающий человека и вредящий ему. Большинство информантов уверяют, что домовый в усадьбе живет один, однако сообщают и то, что в доме обитают два домовых, один хозяина, а другой хозяйки – дедушка и бабушка.

По рассказам, домовый перед каким-нибудь важным событием подавал знак – ночью шумел в голбце, ходил по избе, скрипел, а то и тоненько плакал. Если ночью слышали какой-нибудь необычный звук, то спрашивали: «*К худу ли, к добру?*» Если ответ был: «*К худу*», то ожидали беды. Так же делали, когда чувствовали наваливающуюся ночью тяжесть, считали, что это давит домовый. Ответом должно было служить дуновение ветра – холодное к худу, теплое – к добру. Иногда в шуме ветра слышался даже определенный ответ.

Общепризнанным было то, что местопребывание домового можно было определить только по косвенным данным. Если он являлся кому-то из домочадцев, то только по собственному желанию. Обитал домовый где-то в подполье, рядом с печью, или же на чердаке, т. е. на периферии жилого пространства. По мнению В. И. Дынина², различия, связанные с местом обитания домового обусловлены особенностями северо- и южнорусских жилищ. Северную избу строили на подклете, который и считался местом пребывания домового. Южнорусская изба ставилась на земле и не имела подполья, поэтому пристанищем домового служил чердак. Следует отметить, что если такая прямая зависимость и существовала, то лишь при формировании представлений о домовом. Материалы полевых исследований говорят о том, что конструктивное изменение жилища, применение южнорусскими в условиях Сибири жилища с подклетом не повлияло на трансформацию мнений о месте пребывания духа дома.

Для точного определения, где находится домовый, использовали простейший отвес – грузик на нитке, который медленно проносили над всеми углами комнаты. Там, где был домовый, грузик должен был отклониться. Примечали, в каком углу кошка никогда не спит. Это также указывало на местопребывание домового. По сообщениям крестьян, совершенно не нужно стремиться увидеть домового, это невозможно, а, кроме того, если это и удастся, то принесет несчастье, так как домовый показывается к беде, войне или тяжелой болезни, даже смерти кого-либо из членов семьи, чаще всего старшего по возрасту или главы семьи. Если домовый появлялся, нужно было прогнать его крепким словом, тогда он бесследно пропадал и не мог принести несчастье.

Внешний вид домового описывали по-разному. То это маленький мужичок, одетый в рванье, обутый в лапти, то лохматое существо или привидение, видом своим напоминающее хозяина дома, то оборотень-ласка, маленький шустрый хищник. *«Это черненький прогоишный зверек – хозяин дома, обижать и трогать его нельзя»* – из полевых записей, сделанных в д. Ача Болотнинского района Новосибирской области.

Если кто-либо хотел увидеть домового, то должен был применить особый способ. Для этого хозяину дома или кому-нибудь из старших в семье следовало под Пасху пойти в церковь, взять там зажженную свечу и донести домой, чтобы она не погасла. Со свечой нужно было подняться на чердак, там-то в этот момент и можно было увидеть домового и примечать его масть, чтобы заводить весь скот того же окраса, так как животные, окрашенные иначе, будут болеть.

Повсеместно считалось, что домовый любит животных той же масти, что и он сам, поэтому у хозяина волей-неволей подбирались все животные одной масти – и лошади, и коровы, и собаки, и кошки. Животных другой окраски домовый не любил, гонял их ночью, мучил. Лошади не отдыхали, стояли мокрые, «все в мыле». Полюбившихся же коня или корову домовый ласкал, обихаживал, чистил, конскую гриву заплетал в косы. Чтобы расположить домового к недавно купленной лошади или корове, перед тем как завести животное на двор, произносили: *«Вот тебе лошадушка (коровушка), люби ее»*. Особым покровительством домового из обитателей дома пользовались старые бабушки. Ночью он им заплетал косички, такие мелкие да частые, что расплести было невозможно.

При переселении в новый дом необходимо было позвать с собой домового. Верили, что если его не взять с собой, он рассердится, все в семье разладится, домовый будет бродить вокруг покинутого дома, всех беспокоить. Уже прожив какое-то время в Сибири, некоторые новоселы вынуждены были вызывать домового, оставленного на родине. По мнению рассказчиков, такое дальнейшее расставание не является помехой. Если почему-либо семья не могла сразу взять с собой своего домового, и у нее не налаживалось хозяйство, это было одной из необходимых мер по улучшению положения. Сложности возникали в том случае, если на новом месте уже заводился другой домовый, и тогда между ним и домовым, которого позвали, случалась драка, в результате которой один из них побеждал (причем, как правило, это был старый домовый), а более слабый уходил. Хозяйство постепенно налаживалось, ведь, по мнению рассказчиков, причиной неудач была именно слабость нового домового. В таких рассказах ясно прослеживается идея крепости и стабильности рода в зависимости от его древ-

ности и оседлости. Снять негативные явления переезда на новое место проживания и был призван дух, воплощавший идею помощи, руководства и контроля со стороны предков.

Довольно часты были рассказы о том, что, переселяясь, хозяйка в первую очередь переносила клюку (кочергу) и помело, клала их на печь, тем самым приманивая домового на новое место, при этом приговаривая: «Соседушка-братушка, пойдем к нам на ново место». По мнению сибиряков из д. Мамоново Маслянинского района, как раз помело и является гнездом домового. Для него нужно наломать со- сновых веток и поставить готовое помело в голбец (подполье) – дать место домовому: *«Вот твоя постель»*. В д. Серебренниково домового *«сажали»* на веник в старом доме, придя в новый, ставили веник в пригон (помещение для скота). Таким образом, домовый выступал как покровитель дома или дома и скота, всего хозяйства, в его образе проявлялись черты дворового.

Существовало огромное множество вариантов приговоров, зовущих домового: *«Хозяин мой, пойдем со мной, я дорогой, а ты стороной»*, *«Соседушка-батюшка, ты у нас хозяин, так иди, люби скотинушку»*, *«Дедушка-вуканушка, пойдем со мной»*, *«Соседушка, иди с нами, не пойдем, если ты не пойдешь»*, *«Домовой-домовой, не оставайся, пойдем со мной»* и т.п. Зовут и так: *«Дедушка, бабушка, пошли с нами жить»*, *«Соседушка-матушка, иди на ново место, пойдем домой»*. Потомки выходцев из Калужской губернии сообщили, что при уходе из старого дома нужно сказать: *«Добрый хозяин с хозяйюшкой, пойдемте на новое местожительство»*, а придя в новый дом, так: *«Добрый хозяин с хозяйюшкой, принимайте нас на жительство»*.

Для домового делали специальный маленький хлебец из остатков теста, поставленного на большой каравай, который пекли на новоселье. Такой хлебец клали в подпол дома и под крышу в стойле для животных. Иногда под матку в стойле для домового клали пучок со- ломы. Вообще, домового время от времени, по мнению рассказчиков, нужно подкармливать, выставляя ему немного хлеба, печенья, которые он хотя и не ест, но немного пробует. Через некоторое время это угощение нужно убрать, выбросить, но так, чтобы домашние животные его не съели, и поставить домовому новое.

У домового был весьма капризный нрав. Если кто-то из домочадцев ему не полюбится, то он будет ему мешать спать, ночью душить, навевать плохие сны, щипать до синяков. Особенно часто это случалось, если из дома уезжала одна семья и въезжала другая или же в доме оставалась на постой чужая семья. Иногда доходило до того,

что, не выдержав, люди вынуждены были покинуть такой дом. Говорили, что двум хозяевам нельзя в одном доме жить, так как домовые будут соперничать, драться, тесно им: *«Два медведя в одной берлоге не живут»*. Это замечание указывает на рудиментарные представления о духе дома как предке хозяина. О том же говорит и утверждение, что домовый бывает и злой, и добрый в зависимости от характера хозяина. Беспокойство в доме иногда объясняли тем, что изба стоит не на месте, на их (домовых) тропинке.

На домового за синяки не обижались, так как считали, что это он, будучи добрым по натуре и не имея другой возможности, таким образом подает знак, предостерегает от несчастий. Чтобы задобрить домового, хозяйка должна была испечь специальный хлебец для него и с приговором: *«Дедушка-соседушка, люби хозяина с хозяйшккой да скотинушку»* (вариант – *«Батюшка-соседушка, братанушка, полюби нас да скотинушку, красную и синюю, чернопес и краснопес, и белую»*) клали его в подпол, предварительно разделив на четыре части, к северной, восточной, южной и западной стене, или под балку в подполье, иногда пытались вызвать расположение домового кусочком хлеба, оставляя его в углу стайки, говоря при этом: *«Дедушка-матанушка, наси мою коровушку»*. Некоторые рассказчики питали весьма добрые чувства к домовому и сообщали, что часто их мать перед уходом из дома говорила: *«Дедушка-соседушка, гляди моих ребят»*, хотя преобладают рассказы о том, что домового боялись.

Обращает на себя внимание структурное единство представлений о духе дома восточнославянских этнокультурных групп, особенно старожильческих, с верой сибирских татар в домового (*ий иясе, ийл хужа*). Общность выражалась в его образе, характере взаимодействия с людьми, роли в системе мировоззрения. Так, *ий иясе* был духом-покровителем дома, но его влияние распространялось на всю усадьбу; он являлся в образе людей и животных; чтобы умилистить его, под матки подкладывали монеты; он выбирал любимцев среди членов семьи и хозяйских животных, им он плел косички; при переезде в новый дом звали и домового. Интересно также существование представлений татар об особых духах бань, которым у русских сибиряков-старожилов соответствуют ведьмы-волхидки³.

Как правило, знание тонкостей обращения с домовым характерно для женщин, хотя не исключаются как знатоки и мужчины. Представления о домовом варьировали от восприятия его как покровителя дома и семьи, непременно жителя каждого дома, вмешивающегося в жизнь людей и активно выражающего свое отношение к про-

исходящему, до мнения о сохранении домовым постоянного дружелюбного нейтралитета по отношению к живущим в доме.

К помощи «соседок» прибегали лишь в исключительных случаях, когда все другие способы не принесли результатов. Вместе с тем было распространено и шутливое, ироничное отношение к существованию домовых. Случалось, как рассказывают старожилы, что деревенские парни подшучивали над доверчивыми ребятишками: *«Кто-нибудь нарядится в рваньё и с криком неожиданно выскочит, дети испугаются: «Домовой, домовой!»»*.

Хотя происшедший перелом в идеологии в связи с установлением советской власти не мог не увеличить число людей, отрицавших возможность существования духов дома, можно сказать, что такие люди в крестьянской среде были всегда. В целом отношение к духам дома от спокойно-уважительного изменилось на недоверчиво-скептическое, объяснявшее все явления, исходя из рационалистических причин, однако часть населения продолжала исполнять обряды *«по привычке»*, *«потому что так наши деды и отцы делали»*, *«на всякий случай»*.

Несмотря на веру в то, что в доме существует некая иррациональная сила, воплощающаяся в образе духа дома, дом все же принадлежит семье, человеку. Дом противопоставлен окружающему миру как пространство закрытое – открытому, безопасное – опасному, внутреннее – внешнему. Усадьба в целом также принадлежит семье, человеку, но она более связана с внешним миром. Различны и многообразны постройки крестьянской усадьбы, но, несмотря на их многообразие, вся она находится под покровительством духа дома и двора. Единственное место в усадьбе, где, по мнению крестьян-старожил, не властвует домовой, это баня, с которой связано множество поверий.

Баня – своеобразный антипод избы. Русские старожилы Приобья считали баню местом нечистым, обиталищем бесов или волхидки (колдуньи). Считалось, что, напарившись в бане, человек становится «банным», которому нельзя ни есть, ни пить, ни идти в церковь. Часть запретов действовала на него до тех пор, пока он не окатится холодной водой и не «положит начал» молитвой. В тот день, когда ходили в баню, никогда церковь не посещали.

У кержаков считалось необходимым, идя в баню, снять крест, так как он, нагреваясь, жжет. Православные же переселенцы, наоборот, без креста в баню опасались идти, говоря: *«Христос всегда с человеком должен быть»*, а чтобы не жгло, крест брали в рот. Нельзя было

мыться в праздники, но обязательно вымыться в среду и субботу, чтобы быть чистым к воскресенью, пятниц избегали (в этот день «моется мордва»). Считалось, что в бане могут вымыться только три смены (ср. правило, бытовавшее на Российском Севере, не мыться в «третий пар» или после него).

Тех, кто пойдет мыться в четвертую смену, «задавят беси». По той же причине опасались находиться в бане в полночь. Первыми всегда шли мыться мужчины, так как считалось позорным ходить в баню после женщин. Когда обрабатывали лен в бане – чесали, трепали, мяли, то к 12 часам ночи обязательно уходили, бросив всю работу, однако в Крещение и Рождество ходили в баню гадать именно в полночь. Приносили петуха и курицу, в чашку наливали воды, на пол насыпали пшеницу, клали колечко. Следили за поведением птиц, если петух подходил к воде – муж будет пьяницей, к пшенице – хлебобороб, к колечку – скоро замуж идти, повторяя тем самым гаданья, распространенные в европейской части России. Многочисленны рассказы о том, что в баню нельзя ходить по спору, так как со спорщиком может случиться что-нибудь плохое.

Традиции, связанные с обживанием дома, представляют собой комплекс запретов-разрешений, условий, сведенных в более или менее целостную ритуально-обрядовую систему. Верования в духов дома ведут начало с глубокой древности, но продолжают существовать и в современном мире.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Работа основана на полевых материалах, собранных автором в ходе работы западносибирского этнографического отряда в 1997–2004 гг. в селах Верхнего Приобья, что было поддержано интеграционными программами РАН «Этнокультурное взаимодействие в Евразии», «Русский этнос: сохранение и трансформация культуры».

² Дынин В. И. Русская демонология: опыт выделения локальных вариантов // Этнографическое обозрение. 1993. № 4. С. 86.

³ Томилов Н. А. Очерки этнографии тюркского населения Томского Приобья: Этническая история, быт и духовная культура. Томск, 1983. С. 179.